

И его отпустили.

Так что фамилия у меня своя собственная. А вот имя — Рина, которое ни в ком не вызывает сомнений, оно не настоящее, оно уменьшительное и является половинкой моего полного имени Екатерина. Когда писали первую афишу, на ней мое длинное имя не поместилось, только — Рина. И почему-то это сразу оказалось коротко и удобно. И так и осталось. А маленькие дети очень часто считали и считают, что это одно целое слово: РИНАЗЕЛЕНАЯ. Так и пишут каракулями в своих письмах. И я себя тоже так рассматриваю.

Когда начиналась наша театральная жизнь, на афишах писали имя, отчество и фамилию. У меня получились имя и фамилия. Потом это стало модой — писать именно так. Теперь опять пишут более солидно, с отчеством.

Яков КРАВЦОВ

Театр в подвале

Это было в 1920 году. Молодежь тогда собиралась на крошечном (зато модном!) Австрийском пляже, столь колоритно и образно описанном Константином Георгиевичем Паустовским.

Там я познакомился с техническим редактором газеты "Морьяк" Евгением Николаевичем Ивановым, и он пригласил меня. Я в свои семнадцать лет стал репортером. На том же Австрийском пляже я свел знакомство с Виктором Яковлевичем Типотом — руководителем весьма своеобразного любительского театра "Крот".

До самого последнего времени я представлял, что название свое театр получил потому, что размещался в подвале, в Театральном переулке "под землей". Но недавно один из организаторов и основных актеров театра того периода Дмитрий Осипович Кесслер разъяснил мне, что стал он именоваться по первым буквам весьма выпяченного, но, как казалось по тем временам, звучного сочетания первых букв слов: "Конфрерия рыцарей острого театра".

Так вот, по приглашению Виктора Типота я и стал актером этого театра, будучи одновременно газетчиком.

В театре "Крот" выступали: Виктор Яковлевич Типот, Вера Михайловна Инбер, Рина Васильевна Зеленая и ее сестра Зинаида Васильевна (ба-

лерина), Анна Черткова, Федор Поляков, Дмитрий Кесслер, Владимир Ландау. Подвизался еще на наших подмостках Бама Питовецкий, юри-консульт облисполкома, — высокий, полный и угловатый, но очень милый молодой человек. Я, собственно, запомнил одну его "коронную" роль. Он в фуражке шущмана (полицейского) несколько раз пробегал по сцене и истошным голосом кричал: "Кто украл серебряную ложку?..". Вот и все его артистическое амплуа.

Была еще Надежда Семеновна Можаровская, наш бессменный аккомпаниатор. Она окончила Берлинскую консерваторию, а в театре стала нашим "концертмейстером". С ее помощью мы с Виктором Типотом создавали свои оперетты и другие музыкальные, обычно одноактные, пьески.

Я жил в том доме, где процветало знаменитое в свое время кафе Робина и где помещался театр Миниатюр (как его в шутку прозвали, "Театр имени ТЮР") — здесь ставились оперетты, и мне с самого детства были знакомы многие мотивы. Я их напевал, Виктор Яковлевич сочинял слова, Надежда Семеновна это проигрывала. Вот так и получались наши собственные оперетты.

Помню одну из них. Называлась она "Долли Файф, или Венская жизнь". Я в ней играл героя-ловеласа Виконта де Бражелона, а Рина Зеленая кафешантанную диву Долли Файф. В свои 17-18 лет я выступал во фраке и цилиндре, в твердой манишке с такими же накрахмаленными манжетами и в лаковых туфлях. Все это "снаряжение" заимствовал у нашего соседа, зубного врача Якова Семеновича Плоттера, который, видимо, сохранил свою "амуницию" еще со времен свадьбы.

Исполняя по ходу пьесы песенки и канканы, я выглядел в этом фраке и шапокляке довольно импозантно, но, очевидно, и смешно.

Молодежь в те годы много времени проводила на Австрийском пляже. В этой связи вспоминается модная в ту пору песенка популярного куплетиста Юлия Убейко:

От ласок солнца почернев,
Веселый рой одесских дев
И в утра час, и в вечер даже
Мечтает об Австрийском пляже.

Припев:

Моя ты Ева,
Тебя пою,
Ты королева,
И я в раю,

И справа-слева
Как вид сей мил,
В костюмах Евы
Чернеют девы
Черней чернил...

Весьма популярным был тогда "Гимн Кротов". Вся труппа перед началом спектакля выходила на сцену, впереди наши девушки в кротовых кофточках, и хором пели:

Смиранный крот
В земле живет,
Во мраке и тиши.
Родит детей
В норе своей
И счастлив от души.
Но мы, наземные кроты
Не так проводим дни:
Мы любим солнце и огни,
Улыбки и цветы...

Припев:

В зной ли, в холод
Будешь ты стар или молод,
Каждый с радостью придет
Посетить веселый "Крот".
В вечер синий,
Будет то дождь или иней,
Сгладят хмурые черты
Бодрые кроты...

Большой успех имела песенка Веры Инбер "Веселые голландцы". Она выходила на сцену в национальном костюме этой страны, стройная, миниатюрная, и своим тонким приятным голоском пела:

Нас к вам прислала наша мама
Мы к вам пришли из Амстердама...

И припев:

В милой Голландии славно живется,
Курица трижды там в сутки несется,
Ну а коровы —
Это не ново —
Бродят там гурьбой...

Сливки голландских не същете слаще
Черных тюльпанов там целые чащи,
Вместо ромашек
Лен для рубашек
Вырос сам собой...

При этом Вера Михайловна еще очень мило и нарочито неуклюже пританцовывала. Этот номер неизменно вызывал шумные аплодисменты.

Еще запомнилась такая песенка в исполнении Веры Инбер:

Ее папаша был фарфор,
Он знатный был синьор,
Мамаша же простой фаянс
Их брак был мезальянс,
Ручки, шейка и головка —
Все прилажено так ловко.
Но пустая я внутри,
Если хочешь — посмотри.

Музыку к этим и другим сольным номерам неизменно сочиняла Надежда Можаровская. И эти песенки "кротов" распевали многие одесситы.

Репертуар тогдашнего "подземного" театра был самый разнообразный. Точного распределения ролей, обычного профессионализма не было и в помине. Все выступали в различных жанрах. Спектакли ставились раз в неделю, по-моему, по субботам или воскресеньям. Билеты распространялись только среди знакомых, в открытую продажу не поступали. Зрители были постоянные — молодежь, студенты, интеллигенция.

Ставили "Черепослов, сиречь френолог" — оперетту в трех картинах, сочинение Петра Федотыча Пруtkова (отца). В ней я играл роль фельдшера Иванова. Шли "Революция в колоде карт", "Немая жена" с Риной Зеленой в главной роли, "Паноптикум", "Голубой бриллиант", "Фокусник Бен-али", "Ад в раю" и многие другие.

Нравилась публике "Патэ-журналы" (были в то время в моде такие хроникально-видовые киносборники, предшественники теперешних "Новостей дня"). Мы их иллюстрировали в живом виде. Например, Виктор Типот выбежал на сцену в майке и трусах с номером на груди, как заправский спринтер, тяжело дыша, а диктор объявлял, что это победитель на стометровой дистанции. Или Володя Ландау, здоровенный детина, появлялся в коротких штанишках и бархатной блузке с огромным белым бантом, со скрипкой у подбородка. Это был "вундеркинд". Музыка "скрипача" не было слышно — ведь тогда фильмы были немые. Или выходил Ми-

тя Кесслер в обычном костюме, а Виктор Типот бросал в него игральные карты и кромсал их на клочки, поясняя при этом, что он "рвал и метал". Либо подбегал с сантиметром в руках, распуская его сверху вниз и разъяснял популярное выражение: "Он мерил его с ног до головы".

Не забудьте, что все это происходило в 1920-21 годах, когда было весьма и весьма голодно и холодно, помещение, естественно, не отапливалось. Зрители сидели в зале в верхней одежде, а актеры под своими нарядами, положенными им по роли, носили фуфайки, простите, трико или теплые кальсоны.

Костюмером была Надежда Германовна Блюменфельд, жена Виктора Яковлевича Типота, помогали ей ее сестры Евгения и Александра. Надежду Германовну отличал безукоризненный вкус, но не располагая достаточным выбором, она нередко вынуждена была халтурить, сметывая костюмы, что называется, "на живую нитку". И вот бывало, что у кого-нибудь на сцене в самый ответственный момент спадали брюки. Или же приходилось играть, находясь все время к зрителю лицом (не дай бог повернуться спиной — там не было никакого "оформления"). Однажды у Виктора Типота на сцене отвалилась борода. Ничтоже сумняшеся, он подхватил свою искусственную бороду, положил ее на бутафорский камин и продолжал играть.

Наступило время, когда нашу молодежь потянуло в Москву. Уехали Вера Михайловна Инбер, Рина и Зина Зеленые, Виктор Яковлевич Типот. Тогда и закончил свое существование театр "Крот".

Я еще какое-то время работал в Одессе, в "Моряке" и местных "Известиях", а затем, в 1931 году, как собкор выходившей тогда в Москве "Рабочей газеты" был переведен в ее центральный аппарат.

Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

